

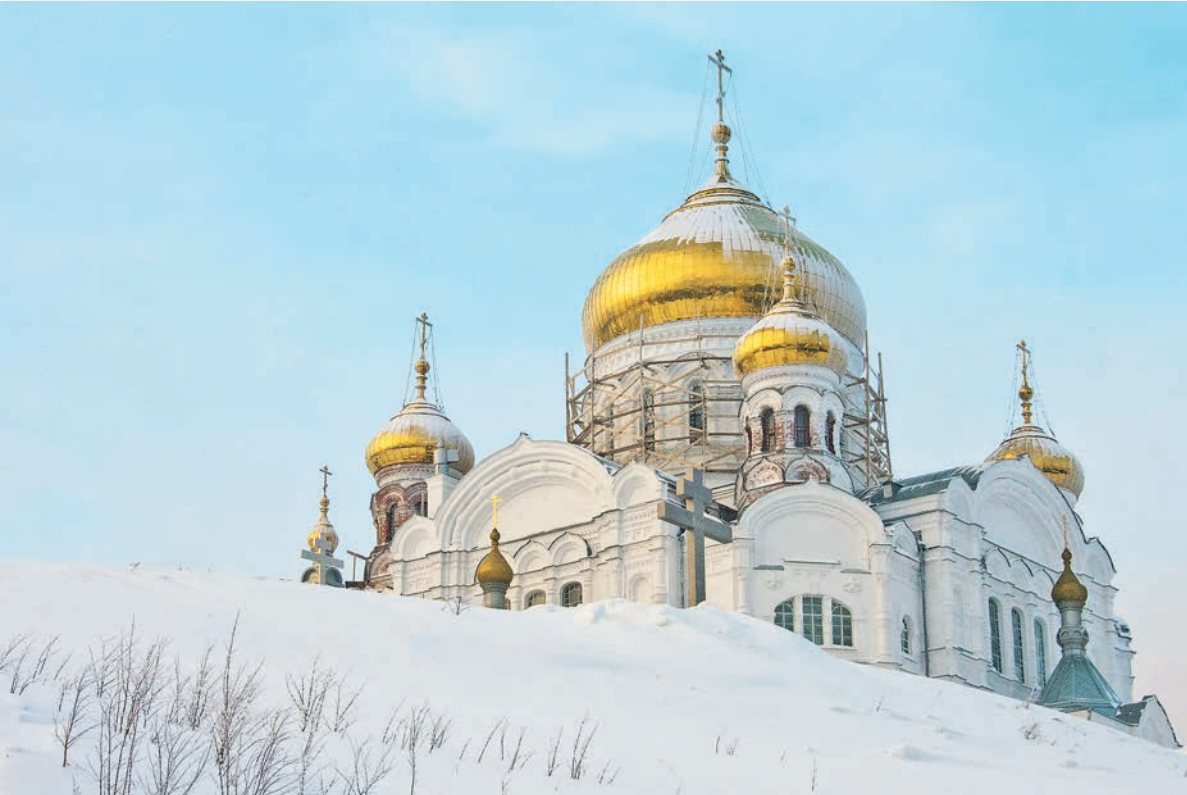
КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

Два храма – два стиля

ФОТО АЛЕКСЕЙ ГУЩИН

Туристический скородел на месте трагедии — «фарт» подземного суперклада (Храм-на-Крови, Екатеринбург)

Монументальная громада во имя царя спасённого — «благодать» высокого горизонта (Крестовоздвиженский собор, Белая Гора)

Все 1920–1930-е новопровозглашённая «столица Урала» широко расстраивается, вокруг хватает удобного места. В военную эвакуацию сюда прибудет больше всех предприятий и учреждений, заработает троллейбус, будет построен новый аэропорт. После войны — всемерное закрепление позиций «опорного края державы». Требуется спрятать в глубь страны атомные заводы? Так вот же — Свердловский промышленный узел и, кстати, большие озёра для охлаждения реакторов. А затем мощные тресты Атомстроя переключаются на градостроительство и автодороги.

Обнаружена большая тюменская нефть. Кто возглавит логистику магистройки? Свердловская железная дорога, Уральское управление гражданской авиации? Разумеется, идут инвестиции. Направляются управленцы. Растут амбиции.

Метро? Хм. Почему бы нет. Президент России? Ну-у, чёрт...

«В христианстве таинство крещения связано со стихией воды. А на Урале сакрализация связана со стихией земли». Это Алексей Иванов в своей «Горнозаводской цивилизации». «Здесь сквозь свинцовое стекло реактора можно заглянуть в глаза сатане», — это он же, но уже в «Хребте России».

Фарт — штука inferнальная. И в подземелье вершатся отнюдь не древние языческие таинства, как лукавит Иванов.

Подземелье и солнечный свет

Как человек с развитым интеллектом и как человек пермский, Алексей Иванов написал отнюдь не заказуху для Свердловского минкульту. Это не глянецовый ребрендинг пообещавшей идеологии Екатеринбургского уралоцентризма.

В том-то и штука, что доказательства существования «горнозаводской цивилизации» существуют в массе материальных свидетельств (старых заводов, механизмов и т. п.), которые сохраня-

лись многими поколениями и усердно реставрируются сегодня.

А где неоспоримые артефакты самобытной «пермской цивилизации»? Что показать туристам в подтверждение существования великой лесозаготовительной империи? Или первейших в Европейской России угольных копей? Или загадочной Перми Великой?

Но Иванов всё-таки находит признаки «пермской цивилизации», её строгановский вариант. Это левый, то есть социально ответственный тип бизнеса. Добрый барин, душеполезные дела, домовитость. А ещё Прикамье купеческое, а купец не деньгу зашибает, а составляет капитал. В том числе нематериальный. То есть широко жертвует на местные нужды.

В отличие от зауральских, пермские люди неторопливы, основательны и, что существенно, никаким фартом не соблазняются. Ведь фарт inferнален.

Что такое Урал — как не бездонные подземные кладовые! И обряд «подземного обретения» становится источником реального фарта для расхристанных зауральских рудокопов.

Но пермские кладовые — осадочные породы. Они ценны не сами по себе, а лишь огромным количеством содержащего. И пермяки готовы добывать миллионы кубов и перегрузить миллионы пудов на своих плечах. Трудиться, выбатывая норму. А после, извините, — огород, покос, рыбалка, самоварчик на веранде. Благодать.

Соль поднималась наверх сама. Нефть тоже. Когда же пермякам приходилось рыть шахты, «хеппиэнда» не случалось. Кизеловские угольные пласты ныне заброшены, как и плотно обжитая поверхность над ними. «Дрожь земли» в Березниках — ещё одно жёсткое предупреждение «оттуда». И подземных ракетных шахт в Прикамье тоже давно нет.

Соль, брёвна, уголь, нефть, известь, бумага... Бесчисленные потоки аморфной пермской продукции. И многотысячные партии самых сложных комплектующих. При этом пермско-

му мастеру безразлично, что конечный продукт из его деталей прославляет совсем другие регионы. Назвать изделие «Кама» — вершина пермского брендинга. Зато у ракет с пермскими агрегатами самые высокие показатели надёжности, и этого вполне достаточно для местной самооценки.

Для пермяков важен не фарт (неправедный и легковесный), а благодать — отмеченность свыше. Разумеется, заслуженная, заработанная многими трудами и смирением. То есть — вознаграждение духовное.

Силы высшего порядка

Диаметрально противоположные ментальные источники главных ценностей Прикамья и Зауралья, Екатеринбург и Перми подтверждаются массой фактов и объективных данных.

Например, возьмём список почётных граждан двух городов. Это вполне репрезентативная выборка элиты обеих уральских цивилизаций. Ведь, по классической теории, нет элиты — нет никакой цивилизации. В пермском списке почти треть «демиургов» связана с авиацией, космосом и авиапромышленностью.

Начало пантеону почётных граждан Перми было положено в 1965 году с космонавтами Леоновым и Беляевым, буквально спустившимися с небес на Пермскую землю. На следующий год почин подхватили в Свердловске. Званием почётного гражданина наградили старую революционерку-подпольщицу Бычкову.

Главный фарт Свердловска — «подземка». Клад века — останки царской семьи. Самый важный объект — подземный центр управления в горе Косьва. Духовность здесь — в мощах Симеона Верхотурского. Сравните с Белой Горой, где главное — идея миссионерства.

Как называется самое роскошное пермское надгробие? Мемориал Вышка. Каков главный пермский памятник? Тот, кто указывает мечом вверх. Три телевышки — главный пермский скай-

лайн. Местный ландшафт — холмы, то есть систематические возвышения.

Пермский менталитет не приземлён, а возвышен. Здешний фарт — это озарение.

Два самых главных уральских инженера — А. С. Попов и Н. Г. Славянов — пермские. И невидимые радиоволны, и электричество очень близки к здешнему нематериальному мировосприятию, созвучны солнцу и волнам речным. Стоит ли удивляться быстрому усвоению в Перми интернет-технологий и телекоммуникаций вообще.

Пермский вариант культуры — это коммуникация, послание, книга, инструкция. Святое писание на хребте. У медведя — общепризнанного символа России.

Горнозаводский промышленный уклад уже столетие назад считался анахронизмом и технологическим динозавром. Это слишком затянувшийся стимул. Ему трудно маневрировать на поле постиндустриализма. Его серьёзно беспокоят неуклюжие пока пермские культурные инициативы и претензии на столичность.

Блистательный Екатеринбург с рождения устроен как фабрика, а его управленцы — инженеры, и только. Привлечение Алексея Иванова есть доказательство отсутствия в Зауралье собственных интеллектуальных сил, способных на идеи-озарения.

Иванов рождён всей пермской многоукладностью и неоднозначностью. И здесь, в Прикамье, всегда будут обитать неординарные мыслители. А значит, есть всё нужное для новой пермской элиты. И для перехода в общество «пятого технологического порядка».

Екатеринбург — это стихии земли и огня. Пермь — стихии воды и ветра. И пусть кажется, что зауральский фарт вечен. Ветер сдует землю. Вода затушит огонь. Руда заново не вырастает. А деревья — вырастут. И неспроста пермские боги — деревянные.